

Пузыри. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Пузыри. Максим Горький

Рассказ

Ежегодно, с той поры, как он стал "нашим известным и талантливым беллетристом", Иван Иванович Иванов устраивает для себя ёлку...

Вот почему, вечером 31 декабря 1890 года, луна, взойдя в небеса, неподвижно остановилась среди них, изумлённая. Высоко подняв брови и раскрыв губы, дрожащие от сдерживаемой улыбки, она смотрела на землю и, казалось, не верила своим глазам. Она смотрела в окно квартиры Ивана Ивановича и – вот что она видела там.

Среди большой комнаты стояла высокая ель, и в тёмной зелени её весело сверкали огни свеч, а вокруг ёлки медленными шагами расхаживал, заложив руки за спину, Иван Иванович, одетый по-праздничному и ясно, счастливо улыбающийся.

Кроме свеч, на ёлке не было никаких украшений, – она вся была увешана лишь вырезками из газет, да кое-где на ветках её висели резиновые игрушки, изображавшие собак, ослов, свиней и прочих животных. Иван Иванович одиноко ходил вокруг ёлки, порой останавливался против одной из бумажек, тщательно расправлял её руками и, откашлявшись, начинал читать вслух сладостно трепетавшим голосом:

– "Новый рассказ нашего известного и талантливого беллетриста г. И.И.Иванова ещё раз свидетельствует о благородстве его воззрений на явления жизни, о его горячей любви к людям и подтверждает наше мнение о глубине его таланта..."

Иван Иванович счастливо улыбался, аккуратно складывал бумажку и, поставив себе на ладонь резиновую собачку, повешенную за хвост, глядя на неё с искренним сожалением, говорил ей тоже вслух и убедительно:

– Слышал? А ты вот не признаёшь во мне таланта! А ты всё ругаешься... всё разносишь меня... ах ты! Ведь это ты из зависти, я знаю! Тебе завидно, что у меня такой большой талант... Нехорошо завидовать!.. Вот ты мне завидуешь, а я тебя за хвостик на ёлку повесил, – да-а!

Он сбрасывал собачку с ладони, и она долго трепетала в воздухе, болтаясь на нитке, точно ей было больно висеть в такой неудобной позе.

А Иван Иванович уже читал другую бумажку:

– "Русская литература обогатилась в лице И.И.Иванова ещё одним крупным талантом..."

– Хе-хе-хе! – смеялся талантливый Иван Иванович и, взяв в руки резиновую свинку, говорил ей: – Что? Висишь? Ну, вот видишь ты, как опасно быть несправедливой! Вот ты пишешь про меня, что я – так себе писателишка, а другие говорят, что я – почти Тургенев... И других-то больше, да-а! Вот оно что! Вот сосчитай-ка: здесь на ёлке висят шестьдесят две лестные рецензии, а вас всех, которые меня ругают, – только семеро... Что!

Иван Иванович щёлкнул свинью пальцем в рыло и снова начал читать рецензию:

– "Когда пессимисты кричат об оскудении русской литературы, – мне кажется, что они просто не знают её, ибо разве такое явление нашей литературы, как гениальный Иван Иванов..."

Иван Иванович почувствовал, что у него даже спина покраснела. Он оглянулся вокруг, счастливо смущённый, но в комнате, кроме него, никого не было. Эта рецензия была самой дорогой для него. Получив её, он – вообще человек весьма равнодушный к религии – отправился в церковь и отслужил молебен за здоровье неизвестного критика.

А теперь, прочитав свидетельство о своей гениальности вслух, всё до конца, он глубоко вздохнул и благоговейно облобызал его... А затем, обращаясь к повешенным на ёлке изображениям критиков, недовольных его творениями, он, внушительно

Пузыри. Максим Горький gorkiymaxim.ru
подняв палец кверху, сказал им глубоким голосом:

- P-разумейте, языцы!..

Затем он начал снимать их с ёлки и, связав в пучок, бросил в угол комнаты. Но ему было грустно расстаться с рецензиями... Он смотрел на них и мигал глазами. Хотелось ещё насладиться ими. Но как? Он несколько минут стоял в раздумье. И, наконец, ясно улыбнувшись, стал снимать их и расстилать на диване, стоявшем в углу комнаты. Покрыв ими весь диван, он потушил свечи на ёлке, разделся и лёг на эти бумажки, полные хвалебных отзывов о нём...

В комнате было темно и тихо. Порой шуршала бумага, мягким таким, ласкающим ухо звуком. Порой раздавался тихий, счастливый смех:

- Хе, хе-хе-е! И-ги!

Затем послышалось тихое всхрапывание...

Луна в небесах надула щёки и поплыла своим путём, едва удерживая смех...

Снилось ему, что лежит он на куче рецензий и дремлет, а у ложа его стоит хор критиков и поёт на голос "баюшки-баю":

А пиши-пиши-пиши,

Для души пиши-пиши!

Лица у критиков были всё такие светлые, ласковые, и - странное дело! ни у одного из них не было зубов! Тёмные дыры их открытых ртов напоминали собой печные душники и - больше ничего. Из них веяло снотворным теплом и лилась шипящая ласковая мелодия:

А пиши-пиши-пиши,

А шиши-шиши-шиши...

Иван Иванович смотрел на них и тронутым голосом говорил:

- Благодарю вас! Покорнейше вас благодарю! Я, ей-богу, сконфужен... мне неловко... я ведь... что же? Я готов... Очень благодарен! Я - тронут! Я вам напишу... роман, очень хороший... Спасибо, спасибо, господа!

И он чувствовал, что по всему его телу разлилась какая-то горячая струя, омывая его пылкой лаской...

И вдруг якобы все фигуры критиков объединились в одну яркую фигуру. Это была женщина.

Полная, с обрюзглым лицом, сильно разрисованным, она играла подведёнными глазами, и её слишком яркие губы фамильярно улыбались Ивану Ивановичу. Костюм её соединял цвета жёлтый, красный и зелёный...

В одной руке она держала веточку, похожую на розгу, а в другой что-то вроде венка, от которого пахло лавровым листом.

- Что такое? - обеспокоился Иван Иванович, кутаясь в одеяло. - Я... что вам угодно? Я, кажется, уже встречал вас... Вы кто?

И вдруг - она, громко засмеявшись, сказала ему:

- Не узнал? Я - Слава!

- И-извините! - воскликнул Иван Иванович. - Но - бога ради! Я не могу встать пред вами... я не одет... то есть я - раздет! Визит ваш... неожиданный и так приятный мне...

- Не смущайся, Ванечка! - сказала Слава тоном доброй матери. - Я ведь не считаюсь с приличиями... Я пришла венчать тебя... Прими же мой поцелуй!..

Она, склоняясь над ним, впилась в его уста своими раскрашенными губами, и Иван Иванович почувствовал, что поцелуй её пахнет типографской краской.

- Иван! - говорила Слава, обняв его одной рукой за шею, а другою натягивая венчик на череп ему, как обруч на бочонок. - Иван! Идём со мною на Парнас! Пора! Тебя там ждут!

- Сударыня! Позвольте мне одеться, - сказал Иван Иванович, трепеща от восторга.

- Иван! Поверь, что гений не должен ничего скрывать от мира!

- А я не простужусь? - спросил Иван Иванович.

- О, нет! - сказала Слава.

Она выдернула его из-под одеяла и, схватив в объятия, стала покрывать лицо его поцелуями. Иван Иванович чувствовал себя так, точно он таял на груди её, таял и - вскипал. Ему казалось, что на его теле вздуваются пузыри, как от ожогов, и что - о, боже мой! - он весь, всё существо его надувается, превращаясь в огромный водянистый пузырь.

- Что ты со мной делаешь? - вскричал он так громко, что чуть не лопнул.

Слава торжествующе улыбнулась ему, и тут Иван Иванович Иванов потерял сознание...

...Ощущение сырости и холода заставило его очнуться от забытья. И как только он очнулся, то сейчас же понял, что с ним совершилось удивительное и фантастическое превращение.

Он видел, что он - не более как пузырь, один из тех эфемерных пузырей, которые вскакивают на лужах воды в ненастную погоду. И ещё он видел, что действительно он - "наш известный и талантливый беллетрист" - плавает по поверхности некоторой мутной лужи, небольшой и ограниченной бордюром жидкой грязи. Вокруг его плавало многое множество ему подобных; они подталкивали его, обгоняли и, шипя, лопались. Над лужей носился странный и однообразный звук - что-то шипело и попискивало, как перекишавшая опара, когда её месят. С неба, покрытого безнадежно серыми тучами, падали унылые капли дождя; они падали на поверхность лужи, вода морщилась от их ударов, а пузыри всё вскакивали на ней, куда-то плыли, толкая друг друга, шипели и лопались. За краткий миг своего бытия они едва успевали отразить в себе окружающее их и серое небо над ними. Они повторяли шипение друг друга и металась на поверхности лужи, маленькие, мутные, несчастные...

Иван Иванович сначала держался в стороне от них. Надувшись до возможных, без риска лопнуть, размеров, он с пренебрежительным любопытством оглядывался вокруг себя, стараясь понять - где он?

Что это такое?

Мимо него следовала к берегу лужи кучка мелких пузырей, и один из них шипел, поучая следующих за ним:

- Смысл жизни - в красоте...

- Те, те, те! - возгласил один из пузырей, следовавших за учителем, принимая вид умника, которому сразу всё стало ясно, важно надулся и тотчас же лопнул.

- Писатель есть дудка, чрез кою проходя, мудрость жизни превращается в гармонию звуков и слов... И он есть кисть в руке духа жизни, - кисть, которой некто мудрый пишет на скрижалях искусства...

Но тут оратор тоже лопнул, а на месте, которое он занимал, не осталось никакого знака.

"Это знакомые речи! - подумал Иван Иванович. - И, кажется, это знакомые лица... Но странно! - почему же они не замечают меня?"

И он ещё немножко надулся.

Но вот его толкнули, и он увидел рядом с собой неизвестного ему пузыря.

- Здравствуйте, Иванов! Не узнали? А помните критическую статью о вашей повести в "Ропоте отживших"? Это моя!

- Ах! - воскликнул приятно изумлённый Иванов. - Это вы? Поверьте, что мне... что я вас... чрезвычайно рад! Благодарю! Такая тонкая и умная, такая лестная статья!

- По заслугам! Ваш талант дал мне в общей сложности материала на десять фельетонов - плюс наслаждение при чтении ваших ярких произведений... Большой у вас талант!

- Ги-и! Я очень рад... Хорошо, когда нравишься, значит, попал как раз в точку... Но однако иные и поругивают меня...

- О, стоит ли с ними считаться? Что они понимают в литературе? Я же, не забудьте, уже сто третий год занимаюсь критикой... да-с!

- Чрезвычайно обязан вам. Но скажите - это что же? это где же мы? спросил Иван Иванович.

Критик повернулся на своем основании и ответил:

- Это - Парнас! Наш современный Парнас...

Иван Иванович съёжился от изумления...

- Н-да-а! - сказал он, помолчав. - Вот как! Ничего... но - несколько тесно здесь и сыро, знаете...

- О, к этому привыкаешь! Место действительно обильное влагой... Но...

Вдруг Иван Иванович почувствовал, что на него чем-то брызнуло, - точно собеседник чихнул, - и, оглянувшись, увидел, что критика уже нет рядом с ним.

"Как они быстро лопаются!" - подумал Иван Иванович и ещё немножко съёжился. А вокруг его всё возникали новые и новые пузыри. Они, вскакивая на поверхности лужи, схватывали изощрённым слухом что-либо сказанное ранее их и, всю жизнь повторяя это слово или фразу на один и тот же лад, исчезали.

Толкали они друг друга основательно, но старались делать это незаметно. Было ясно видно, что все они терпеть не могут друг друга, и было ясно слышно, что в звуках их речей шипит злоба, оскорблённое самолюбие, зависть. Каждый из них старался как можно больше обратить на себя внимания, каждый стремился заслонить другого от света, и все одинаково желали подметить друг в друге то место, ткнув в которое, можно причинить пузырю наибольшую боль и раздражение.

- Мы отражаем жизнь... мы отражаем жизнь... - раздавалось шипение.

"Однако где же жизнь? то есть как же они видят жизнь?" - подумал Иван Иванович.

В этой мутной воде, сплошь покрытой пузырями, было очень мало похожего на жизнь, если не считать тех дурных чувств, мыслей и речей, которые испускали из себя пузыри. Было много беззубого шипения, было много поползновения и потуг изобразить из себя что-то большее пузыря, но это оканчивалось одинаково грустно. Раздавался краткий "пшик!" - и на месте бытия пузыря оставалась морщина, быстро исчезающая с поверхности воды...

Ивану Ивановичу стало как-то неловко.

- Однако... надо им сказать! Да, надо... Надо сказать так: "Господа! Вы все вне жизни! Берегитесь! Ибо она строго накажет! Вы, собравшись в этой трясине, обманываете себя, думая, что живёте... К жизни, господа, к жизни! Бросим раздоры и - к жизни!.." Н-да, если я это скажу - все обратят на меня внимание! Я сразу поднимусь всех выше!

Пузыри. Максим Горький gorkiymaxim.ru

Иван Иванович стал надуваться, чтобы найти в себе достаточно духа для подвига, и, надувшись, как мог, он вдруг громко сказал:

– Господа! Вот я...

Но тотчас же лопнул...

...И проснулся.

Он прежде всего ощупал руками – тут ли, под ним ли рецензии о нём?

И, когда они приятно зашуршали под его пальцами, он почувствовал, что всё обстоит благополучно, и подумал про себя:

"Глупый сон... Невероятно нелепый сон... Фу!"

Но всё-таки, когда он закрыл глаза, ему стало казаться, что вся комната полным-полна воздушных мутных пузырей, они мнутся в воздухе и бесшумно лопаются...

Это видение не помешало Ивану Ивановичу крепко заснуть. 1899 г.

ПРИМЕЧАНИЕ

Впервые напечатано в газете "Северный курьер", 1900, номер 60, 1 января.

В собрания сочинений не включалось.

Печатается по тексту газеты "Северный курьер".

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!